

18+

Василий Лягоскин

Ах, уж эти мужики!

Что бы вы без нас,
женщин, делали...

Василий Лягоскин

**Ах, уж эти мужики! Что бы
вы без нас, женщин, делали...**

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Ах, уж эти мужики! Что бы вы без нас, женщин, делали... /

В. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852392-2

Виктор Кошкин, учитель истории и путешественник во времени, словно передал эстафету удивительных приключений супруге. Теперь Валентина Степановна, а вместе с ней шестерка отважных красавиц, перед которыми в давние времена склоняли головы короли и султаны, готовы отправиться в прошлое. Что для этого нужно? Пустяки — знание бессмертных строк шедевров мировой литературы и... безмерная любовь к мужу, терпеливо ждущему ее в скучном двадцать первом веке. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-852392-2

© Лягоскин В.

© Издательские решения

Содержание

1. Дар Афродиты	6
2. Стихи о прекрасных дамах	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ах, уж эти мужики! Что бы вы без нас, женщин, делали...

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4485-2392-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Дар Афродиты

*Что б ни сулило вам воображение ваше
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг*

Валентина Степановна была женщиной весьма практичной. В дальние «земли», на богатый средиземноморский остров, она отправилась со своим «другом», а точнее, законным мужем Виктором Николаевичем Кошкиным. Но абсолютного счастья в своей душе, как ни старалась, обнаружить не смогла. А ведь совсем недавно – в родном Геленджике – она упивалась неизведанными ранее чувствами; считала, что счастливей женщины в мире нет. Пусть родное осеннее Черное море, которое Валя могла в любой момент увидеть с балкона своего нового дома, не радовало свинцово-серым цветом, и резким запахом водорослей, выброшенных на берег недавним штормом. Зато впереди ждало другое, Средиземное, по-летнему теплое и ласковое. А главное – внутри ее роскошного тела происходила удивительная процедура знакомства друг с другом, и с окружающим миром, сразу пяти... нет, шести бунтарских душ. Сама Валентина с каждым мгновением словно впитывала в себя все лучшее, что захватили с собой из прошедших веков ее новые подруги. Она даже внешне менялась. И с удовольствием воспринимала изумление, и восторг Николаича, который один на всем белом свете мог угадать, кто именно так кокетливо поправляет прическу (Кассандра – кто же еще?!), а кто пританцовывает от радости – при виде очередной обновки, которыми Валентина баловала себя каждый день. По-прежнему юная арабская принцесса Дуньязада громче всех визжала в душе, когда Кошкина, а вместе с ней пять мятежных душ в первый раз попали в магазин женской одежды.

– Ну, это, конечно, не показ мод в Милане, – чуть смущенно улыбнулась Валя, когда перешагнула порог самого крупного в Геленджике торгового центра.

Ее «гостям» поначалу хватило и этого. Валентина, не отмеченная особым талантом воображения, в то мгновение явственно представила себе, как внутри нее отвешиваются сразу пять нежных женских подбородков, и, как хищно и предвкушающе загораются глаза древних красавиц, имена которых были хорошо знакомы каждому цивилизованному человеку. Она и себя теперь относил к таковым. Вместе с остальными ипостасями собственного организма по вечерам смотрела не только канал ТНТ, но и (страшно сказать!) новостные передачи российского телевидения. Впрочем, тут у нее был вполне практический интерес. Кипр, куда она вместе с любимым мужем собиралась в первую свою заграничную поездку, ждал их в Средиземном море; на пути бесчисленных полчищ мигрантов из разгромленных городов Ближнего Востока в Европу.

Виктор Николаевич, еще раньше изучивший остров Афродиты вдоль и поперек (с помощью компьютера, конечно), успокаивал ее (а вместе с ней двух эллинок, венецианку, русскую княгиню, и принцессу сказочного Востока); он утверждал, что отели Кипра по-прежнему гостеприимны и комфортабельны; что они гарантируют своим гостям безопасность и незабываемый отдых. Впрочем – как поняла Валентина – сам Николаич собирался совместить приятное с полезным; иначе, зачем он взял с собой ноутбук? Может, он опять собирался в какое-то путешествие? Чтобы еще больше удивить соседей; ну и посрамить завистников, которых вокруг оказалось на удивление много.

*Завистники, на что ни глянут,
Поднимут вечно лай;
А ты себе своей дорожкой ступай:*

Полают и отстанут

Валентина Степановна даже немного помечтала – попасть в неведомое прошлое вместе с мужем. Но погружаться до изнеможения в виртуальный мир... до такого изощренного насилия над своей душой, тем более, над душами гостей, пока не дошла.

– Буду отдыхать, и все! – громко заявила она, вздохнув глубоко и жалостливо – словно пахала несколько лет без отпусков на двух, а то и трех стройках, – а там как получится.

Еще и кулаком по столу стукнула. По плечу, или иной ранимой части любимого мужа она в последнее время не била. Больше того – иногда позволяла себе выслушивать его советы, и даже (!) следовать им. Вот и перед отъездом, в предвкушении первого в своей жизни полета, она сунула в дамскую (очень вместительную) сумочку первую попавшуюся книжку с полки, которая висела над новым компьютером супруга.

– Только чтобы Витка отстал, – сообщила она внутрь себя новым подругам, даже не взглянув на обложку.

А потом забыла и про нее, и про все остальное на свете – вместе с Пенелопой и Кассандрой, Ярославной, Дездемоной и Дуняшей – когда самолет оторвался от асфальта взлетной полосы, и в иллюминатор брызнуло мириадами лучей нестерпимо яркое солнце. Арабская принцесса едва не заставила Валентину сорваться с места, и пуститься в пляс прямо в узком проходе салона; но по нему уже катились тележки с аэрофлотовской снедью. Валентина наморщила свой носик; ее организм, вмещавший шестерку таких разных женских душ, удивительно быстро привык к дорогим, качественным и вкусным деликатесам. Но и сейчас она не отказалась ни от мяса неизвестного происхождения (названного говядиной), ни от жидкого картофельного пюре, ни от коробочки мультифруктового сока с соломинкой – «уплочено, ведь!».

А потом, с целью, прежде всего, вогнать в себя в сонное состояние, она отвернулась от иллюминатора, где не было видно ничего, кроме белесой пелены облаков, и неожиданно для себя выудила из сумочки книжку. И громко – почти на весь невеликий салон бизнес-класса – прочла:

– «Иван Андреевич Крылов. Басни».

Тут она изумилась еще больше. Не тому обстоятельству, что под руку попал именно этот увесистый том, а его толщине.

– Это сколько же он басен написал?! – почти ужаснулась она, едва не заехав обложкой книги по носу Николаича, уже уткнувшегося в свой ноутбук, – я думала, еще со школы, что их не больше десяти... ну, пятнадцать-двадцать. Ну, там, про мартышку и очки; или «А Васька слушает, да ест!»... А их тут...

Валентина лихорадочно пролистала всю книгу, остановилась на последней странице, и гордо доложила всем вокруг (прежде всего супругу и невидимым подругам):

– Сто тридцать три! И это только в этом томе...

Стояли ли на полочки еще такие же тома, Валентина не помнила (точнее, не знала). Протирая еженедельно эти книжки, она, прежде всего, присматривалась к тому, не осталось ли на них пыли. Теперь же опять открыла обложку, пробежалась взглядом по строчкам первой из басен, носившей чудное название «Алкид», и громко – так, что услышали, наверное, и в соседнем салоне «для бедных» – провозгласила первую на сегодняшний день истину:

***Чудовищу сему название Раздор
Не тронут, – его едва заметит взор;
Но если с ним кто вздумает сразиться, —
Оно от браней лишь тучнее становится
И вырастает выше гор***

Казалось, весь самолет замер – вместе с двигателями. И от гениальной простоты великого русского баснописца, и от другого дара, которым сейчас поделилась с Валентиной Кассандра. Троянская провидица, несомненно, обладала талантом незаурядного риторика. Строки, которые слетели с губ Кошкиной, задели незримые струны в душах пассажиров, и экипажа «Боинга». И сейчас люди судорожно пытались вспомнить – не сказали ли они сегодня чего лишнего, не посеяли ли семена раздора среди своих родных и близких.

– Я – точно не посеяла, – победно усмехнулась Валентина Степановна, – мы живем дружно, душа в душу. Правда, девочки?!

«Девочки» в ее душе восторженно завизжали, принявшись хлопать ладошками – большей частью по незримым плечам Кассандры... А Валентина продолжила уже только для них; ну, и для себя тоже.

До конца полета она незаметно «проглотила» всю книжку; потом опять начала с первой страницы – словно пытаясь выучить все сто тридцать три шедевра наизусть. Тут надо отметить, что такие «подвиги» ей не удавались даже в школе, когда ее память была свежей, не отягощенной... хотя бы парой бокалов полусладкого вина, которое полагалось пассажирам бизнес-класса. Теперь же строки послушно занимали строго определенное место в голове, и чуть затуманенные алкоголем мозги Валентины пребывали в полной уверенности, что они там не затеряются; что их можно будет мгновенно извлечь – когда понадобятся.

Они и понадобились. Уже в отеле, в тот самый момент, когда возвышавшаяся на голову над Виктором Николаевичем супруга отодвинула могучим, но таким женственным плечом его от стойки, где нахально щерился портье, и выдала целую речь, начавшуюся с цитаты Ивана Андреевича. Между прочим, на чистейшем древнегреческом, с непередаваемой царственностью. И подлинной тоже – ведь ее устами сейчас говорила настоящая царица; повелительница Итаки:

*Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву*

Парень за стойкой, на которой в большой вазе словно сама просилась в руки горка леденцов в ярких фантиках, явно понял ее слова; он побледнел, затрясся всем телом. И едва не грохнулся в обморок, когда царственная иностранка (ну надо же – русская!) достала небрежным, и одновременно величественным жестом банковскую карту, и швырнула ее на красное дерево стойки. Про такие карты портье слышал, но никогда их не видел. Обладатели таких вот прямоугольных пластиковых сокровищниц обычно отдыхали в собственных особняках; в пятизвездочные отели, в каком служил этот кипрский парнишка лет тридцати пяти, они могли попасть разве что по недоразумению, или по какой-то своей прихоти, не подвластной разуму обычных людей. Именно такие сейчас замельтешили вокруг четы Кошкиных, провожая их в самый шикарный (и дорогой) номер отеля; буквально на руках внеся в него и багаж, и самих постояльцев. А потом, дождавшись в коридоре разрешения, внесли в номер, в ту его зону, которую Валентина по привычке назвала столовой, поздний обед из бесчисленных перемен блюд. С бокалом вина толпа женщин в теле Кошкиной вышла на лоджию, опоясывающую половину этажа; вышла опять-таки так царственно-величественно, что теперь у главы семьи, у Николаича, отвисла челюсть.

Ненадолго, кстати. Валентина видела, что его гнетет какое-то томление. Лишь оказавшись на балконе, и замерев при виде раскинувшегося перед ней бескрайнего изумрудно-синего

пространства, она поняла нетерпение супруга; подхватила, кидая в ту самую сумочку, тут же нареченную гордым именем «пляжная», все, что могло понадобиться в их первом припадении к ласковой и теплой груди Средиземного моря. Первые два дня Валентина была по-настоящему счастлива, как и все ее подруги. А потом... нет, самой ей не надоел отдых; она могла бы плескаться в ласковых волнах и месяц, и год, и... В какой-то момент она поняла, что счастье в груди тает; что подруги там же щебечут не так беззаботно, и что она сама готова рычать на обслуживающий персонал. По одной причине – любимый муж, Витенька, ходил за ней по пятам смурнее ночи; даже перестал открывать свою любимую игрушку, ноутбук. И Валя, пошушукавшись с подругами, поняла – Виктора Николаевича терзают муки унижения. Что он невольно сравнивает себя, такого нескладного и невидного, с шикарной женщиной, собственной женой, с которой не спускают взглядов все мужчины отеля, и его окрестностей. Казалось бы – живи, и радуйся; гордись, что рядом с тобой такая красавица; воплотившая в себе самые сокровенные мечты мужской половины человечества.

– Но нет, – читала в его печальных глазах Валентина, – это не про меня написал дедушка Крылов:

*Как счастья многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках
ходят!*

Между тем, Николаич именно «ходил на задних лапках» бледной тенью по пятам супруги, и не более того. Однажды, правда (в первый их вечер в отеле), он встряхнулся, выпив местного коньяка больше, чем обычно, и сплясал вместе с Дуняшей в теле Валентины на потеху местной публике. Публика эта в основном состояла из граждан Соединенного Королевства, которые при встречах по утрам первыми спешили поклониться и выпалить не менее подобострастно: «Мо-о-онинг!». Теперь же, после первого вечера танцев, Кошкины стали кумирами отеля. Но тут взбунтовались сразу все царственные сущности в душе Валентины, и та, подумав совсем немного, присоединилась к подругам: «Нечего своим талантом баловать плебс, пусть и английский!».

Лишь по ночам Виктор Николаевич оживал, и Валя, посмеиваясь в душе, снисходительно разрешала ему воображать, кто именно сейчас стонет под его некрупным телом...

Лежа на пляже, куда бармен не успевал подносить запотевшие от холодильного мороза бокалы с освежительными, а большей частью, горячительными напитками, Валентина устроила мозговой шторм – прямо как в передаче «Что? Где? Когда?»; благо, что их, молодых и красивых женщин, было как раз шесть.

– Ну, девочки, что будем делать? – начала она, одним длинным глотком посредством соломинки опустошив очередной слабоалкогольный коктейль.

Подскочивший служка тут же заменил его на новый, полный, а Кошкина, не поблагодарив его даже кивком, с надеждой уставилась внутрь себя, на задумавшихся подруг. А потом даже зажмурилась, чтобы не выдать невольно своей растерянности от того шквала предложений, что посыпались на нее из всех уголков собственной души. Наконец, она вычленила что-то знакомое, уже слышанное раньше.

– Мой грот, – это вещала Дездемона, – и песчаный пляж, рядом с которым вот это (она обвела рукой Валентины вполне ухоженное место отдыха вип-постояльцев) даже рядом не стояло. Именно там наш Николаич был абсолютно счастлив... Ну, почти счастлив...

Она покосилась на подругу, в чьем теле обитала вот уже почти месяц, и поправилась:

– Почти – тебя-то ведь с нами не было.

Валентина от такого «пустячка» отмахнулась; одновременно это было сигналом пареньку, который дежурил рядом с бокалом, полным ледяной влаги.

– Давай-ка нам, парень, самого главного начальника!

Слуга, переполненный рвением, рванул с места так резво, что из заполненного доверху бокала на безупречный во всех отношениях живот русской красавицы (и не только русской) плеснулась немалая толика коктейля, и пара кубиков льда. Оглушительный визг заставил задремавшего было Николаича подпрыгнуть на шезлонге. А потом выслушать отборную брань, плавно перетекшую в очередной шедевр баснописца позапрошлого века:

*Хотя услуга нам при нужде дорога?
Но за нее не всяк сумеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага*

Кошкин на эти мудрые строки покивал, провожая взглядом бросившегося стремглав с пляжа «услужливого дурака», но спросонья отреагировал на первый, очень громкий и весьма неприятный звук. Что интересно – тоже строками Крылова:

*Какие перушки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись!
Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!*

Вскочившая, и вытянувшаяся во весь рост Валентина, а вместе с ней и все царицы и принцессы воскликнули было: «А мы и так царицы, самые настоящие! А ты, несчастный...». На счастье несчастного Николаича как раз подоспел управляющий отелем. Обычно этот тучный киприот ходил важно, и откликался на почтительное: «господин...». Впрочем, Валентина не стала утруждать память его звучной фамилией; греческое имя Николас с первого дня было переформатировано в привычное русское Николаша, а в особо игривом настроении в Коленьку. Сейчас немного раздраженная Валентина не приветствовала его никак; сразу взяла за рога, которых на лысой, как коленка, голове управляющего никто, кроме нее не видел.

– Значит, так, любезный, – заявила она, – завтра с утра (после завтрака, конечно), подашь нам самую лучшую машину. И с собой нам корзинку собери – мы с Витенькой на пикник собрались.

– Э.э.э, – осторожно проблеял Николас, – осмелюсь спросить – в каком месте нашего острова вы собрались продолжить отдых?

– Вот он расскажет, – Валя бросила гневный, но от этого не менее величественный взгляд на Николаича, рухнувшего было на шезлонг, а теперь опять вскочившего, как пионер, и удалилась, посчитав, что на сегодняшний день с нее и солнечных ванн, и общения с сильным, но таким глупым полом (мужским, конечно – а вы что подумали?) для нее достаточно, – да (продолжила она), корзинку в машину положите вот такую.

Управляющий явно содрогнулся в душе, когда увидел, как Валентина раздвинула руки так, словно хотела объять весь мир... ну, или, хотя бы весь Кипр. Она еще успела услышать, как муженек чуть дрожащим, но вполне понятным для окружающих голосом принялся перечислять памятные приметы конечного пункта завтрашнего путешествия, которые ей самой параллельно описывала Дездемона...

Утром Валентина была мила и предупредительна. На осторожное ворчание мужа, который никак не мог прийти в себя от роскоши салона огромного «Кадиллака», отделенного пере-

городкой от водителя, а дверцами от всего остального мира, она ответила; естественно, строками из очередной басни:

*Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?*

Потом – на пляже, местонахождение которого Николаич вместе с управляющим вчера с трудом определили по развалинам средневековой крепости (в ней когда-то давно легендарный мавр Отелло ставил свои изощренные сексуальные эксперименты) – это вылилось в первый тост; конечно же, за гений Ивана Андреевича Крылова. Следом, из уст Виктора Николаевича, за красоту любимой жены.

– И нашу! И нашу тоже! – попрыгали по нежной душе Кошкиной ее подруги...

Потом все вместе оценили очарование здешних волн, помнящих тепло юного тела прекрасной венецианки и ее чернокожего мужа-замухрышки; потом были еще тосты. Очнулась Валентина уже в той пещере, хозяйкой которого аборигены совершенно незаслуженно считали богиню Любви и Красоты Афродиту.

– Это мой грот! – воскликнула в душе Дездемона, привлекая к себе общее внимание, – я его нашла, и я в нем...

Тут она замолчала, и даже, кажется, залилась краской смущения, которое в теле Валентины выразилось урчанием желудка. Скорее всего, это возмущались яства, заброшенные в него вперемежку с напитками; наша героиня никогда не страдала отсутствием аппетита. Пять других героинь ее в этом поддерживали. Как и в другом не менее волнительном чувстве. Том самом, с которым Валя выдрала какое-то покрывало из-под заставленной пустыми чашками и бутылками скатерти, и поманила пальцем за собой мужа. Виктор Николаевич не то что не посмел возразить; душой и телом, тоже переполненными горячительным, он стремился к уединению едва ли не сильнее супруги. А уже там, спустя часы, а может быть, века страсти в таинственной полутьме грота, он прижал ее к своей пусть не такой могучей, но очень горячей и любящей груди, и страстно прошептал:

– Ты! Ты, и только ты истинная богиня Любви и Красоты!..

– А кто тогда я?! – возмущенный, чуть сварливый женский голос заставил тяжелую голову Валентины оторваться от песка, от которого ее отделяло лишь тонкое покрывало.

Мужа рядом не было; просыпались, и заполнялись изумлением лишь подруги. Изумление это было вызвано видением настоящего чуда – в чуть светлеющем проеме пещеры стояла богиня. Самая настоящая, словно мгновение назад родившаяся из морской пены, и теперь приковывающая к своему совершенному телу сразу шесть женских завистливых взглядов. Это очарование сказкой лопнуло в один момент, когда из груди Валентины, сами собой вырвались очередные две строки басни:

*Ну, братец, виноват
Слона-то я и не приметил.*

Афродита (или та, кто выдавал сейчас себя за богиню), как раз менявшая одну соблазнительную позу на другую, более эффектную, громко икнула, и чуть не подавилась словами, которые сами вылетели из ее прелестного ротика:

– Какой братец?! Где слон?!!

Валентина, а за ней и другие красавицы внутри расхохотались, и шагнули вперед, мимо растерявшейся богини. Море было по-прежнему ласковым и теплым, но Кошкина каким-

то внутренним чутьем поняла, что на прибрежный песок накатывают совсем другие волны, в которых, быть может, еще не окунался никто из обычных людей...

– Да, – остановилась за ее спиной Афродита, – сейчас мы в межвременье, в которое редко ступает нога живого человека. Очень редко.

– Ага! – хищно поделилась с подругами первой мыслью Валентина, – живого! Это мы живые, а она...

Кошкина резко повернулась к богине, оценивая и ее, и собственное состояние души и тела совсем под другим углом зрения. И под этим углом Валентина Степановна Кошкина смотрелась лучше Афродиты; яркая, но какая-то неживая красота богини призывала любоваться ею, а плоть земной женщины (что называется – кровь с молоком) подвигало ценителей женской красоты на другое – потрогать ее, а потом погладить, и...

– Мы сами кем хочешь воспользуемся! – хором воскликнули шесть цариц.

Афродита словно услышала этот ликующий возглас (а может, действительно услышала); она как-то жалобно улыбнулась и кивнула Валентине:

– Тут я с вами, подруги, спорить не буду. Больше того – попрошу выполнить одну мою просьбу; заодно и попользуетесь, как сами вы говорите.

В голове Валентины вдруг возникли картинки безудержных оргий; но, поскольку в них она не углядела физиономии Виктора Николаевича, собралась решительно отказаться: «Никаких оргий! Домой, то есть в пещеру – под бочок родимого мужа!».

– И вообще, – вспомнила она очередную басню, – знаю я, чем такие оргии заканчиваются. А мне, между прочим, скоро сорок стукнет.

*Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться...*

– Да ты что?! – обрушились на нее возмущенные крики, сравнимые децибелами с хором имени Пятницкого, – да хоть одним глазком посмотреть! Никто на твою честь покушаться не будет!

– Никто, – подтвердила тут же богиня, – и вообще, это я не ту картинку показала. На самом деле Пигмалион хоть и царь, но человек скромный; пиров не любит. Сидит в своей мастерской и тюкает молотком по камню, ваяет очередной шедевр.

– Пигмалион..., – задумчиво протянула Валентина, которая уже готова была дать втянуть себя в безумную авантюру, – где-то я про этого паренька уже слышала.

– Ну как же, – Афродита явно обиделась за «паренька», – Пигмалион, и его Галатея...

Валентина решительно покачала сразу шестью головами; никто из подруг об этих, несомненно, широко известных (вон как возмущается Афродита!) персонажах не слышал. Богиня, вздохнув, начала вещать о легендарных личностях, и о том, почему она сама принимает сейчас такое живое участие в их судьбе.

– Пигмалион, рожденный царем, и наделенный великим талантом видеть в куске камня красоту, и извлекать ее из мрамора, изваял статую девушки невиданной красоты, – она померила взглядом себя, а потом и красавицу напротив, и добавила, с максимально возможной уверенностью, – почти такую же, как мы с тобой.

Девушки в груди Валентины расцвели улыбками – вслед за ней – и нетерпеливо затопали ножками по нежной душе русской красавицы: «Ну, продолжай, не томи!».

– И красота Галатеи – так назвал статую сам Пигмалион – была настолько совершенна и притягательна, что царь влюбился в нее, и теперь никто, ни одна девица ему не мила – ни царского, ни подлого рода. Он даже забавляться с ними перестал.

– Ну, и дурак! – выпалила в сердцах Валентина; потом, вспомнив только что процитированные самой строки, залилась (совсем чуть-чуть) краской, и оправдалась – прежде всего,

в глазах своих подруг, – я к тому, что если он не женат, и не успел еще нарожать кучу наследников...

На мнение Афродиты ей было глубоко плевать, как, поначалу, и на ее предложение:

– Пигмалион обратился к нам, к богам, с просьбой оживить его мраморную возлюбленную; больше остальных олимпийцев он одарил меня. В смысле мой алтарь.

– И теперь, – догадалась Валентина, – тебе надо отдариваться.

– Увы, – поникла головой богиня, – мы живы людскими молитвами. Если мы хоть иногда не будем подтверждать, что действительно существуем – пусть лишь в мыслях людей – Олимп станет обычной трехглавой горой; холодной и безжизненной.

– Ну ладно, – неожиданно для себя согласилась Валентина, – можно ненадолго и прогуляться. Что надо сказать?

Она даже махнула рукой, прогоняя строки, которые ей прямо в ухо твердили другие богини, заведовавшие осторожностью и благоразумием:

*Как много у людей
Затей,
Которые еще опасней и глупей!*

– Ничего не надо, – оживилась богиня, – я сама все сделаю. Ты возвращайся в грот, и ложись. Постарайся заснуть...

Валентина Степановна кивнула, и пошла ко входу в пещеру – что называется, от бедра, чувствуя, как прославленная в легендах богиня смотрит ей вслед с изумлением, а потом и завистью. Увы – глаз на затылке у нашей героини не было; пятерка других вообще никаких глаз не имела; пользовалась Валиными. Потому они не увидели, как губы Афродиты – в тот момент, когда Кошкина чуть пригнулась, чтобы не стукнуться общим на шестерых затылком о низкий свод входа в пещеру – скривились в какой-то хищной усмешке...

– Галатея, – потрясенно прошептала Кошкина, – само совершенство!

А потом ее (точнее, совсем не ее!) уста, открылись неимоверно широко, чтобы исторгнуть из себя слитный ужас, сотканный из шести... нет! – семи воплей: «Не-е-ет!! А-а-а!!!». Потому что вот она, Галатея, стояла перед ними в своей обнаженной молочно-мраморной красоте, а сама Валентина подпрыгивала сейчас на широченном ложе в теле какого-то мужика. И для того, чтобы убедиться в этом, ни ей, ни царственным эллинам, ни Ярославне с Дездемоной, ни юной Дуньязаде не нужно было нырять чужими руками в чужие же штаны, и шарить там в попытке оценить... потому что никаких штанов не было; мужик скакал вместе с ними на широченной кровати совершенно обнаженным. И вместе с его телом болтался вверх-вниз...

– Какой он маленький, – первой хихикнула как раз Дунька, явно вспомнившая кого-то из своего далекого прошлого – меньше даже, чем у...

– Да! – наперебой стали восклицать остальные подруги, заставив Валентину запунцоветь от стыда, а потом и гордости, – не то, что у нашего Витеньки.

Впрочем, ярко-пунцовыми стали щеки не ее, а мужские, покрытые чуть колющейся щетиной.

– Что значит маленький! – вскричал царь, – и кто этот Ви-тень-ка, которого я сегодня же прикажу посадить на кол.

Валентина, прежде чем взять под командование этот мужской организм, сейчас бестолково размахивающий руками в бессильной ярости, немного посомневалась:

– Посадить на кол... это что-то явно из древнерусского. Или греки тоже не чурались таких фаллических символов (вот что я теперь знаю!)?

Подруги меж тем сомнений не испытывали. Они наперебой подначивали царя, почти требовали у него:

– А ты покажи, покажи! И докажи! На словах вы все герои.

Пигмалион лишь ошалело переводил взглядом внутри себя с одного хохочущего лица на другого; дар ли его, или каприз Афродиты, позволял ему видеть сейчас хорошенькие физиономии. Но эта картинка, способная возбудить любого нормального мужика, заставила его проморгать движение рук затейницы Дездемоны. Сейчас именно она взяла на себя командование телом, ухватившись за невеликий отросток, и принявшись мучить его, совершая поступательно-возвратные движения. Валентина сподобилась командовать лишь подбородку царя, отвисшему практически до груди, да еще поправить подружку: «Не возвратные, а развратные!». Теперь она в полной мере прочувствовала, каково было (и есть) находиться в чужом теле, и порою следовать событиям и поступкам, которые тебе совсем не нравятся.

– Постой! – сказала она себе, а потом и всем остальным, – а разве Афродита не у меня просила разрешения на этот эксперимент; разве не меня она назначила «любимой женой» этого вот сморчка?!

И сразу все стало на свои места. Тело опять готово было выполнять лишь ее команды; шаловливые ручки оторвались от мужского «сокровища», и сплелись на голой груди. Правая царская ножка чуть выступила вперед, а грудь наполнилась воздухом, и вполне заметной спесью, с какой монарх и должен был встречать своих подданных. Зычный голос призвал в царскую опочивальню с десятков прислужниц, на которых сам Пигмалион никак не отреагировал – не дрогнул ни душой, ни телом. Валентина лишь усмехнулась, а потом (пока царь давал распоряжения насчет завтрака) повернулась внутри монаршего тела к хихикнувшей рядом Дездемоне.

– Что? – задала она короткий вопрос.

– Сдается мне, – оглядела сразу всех подруг венецианка, – что мы здесь задержимся.

– Почему?! – воскликнули сразу три, или четыре женщины; лишь Кошкина, уже начавшая догадываться о причине нервного веселья Дездемоны, слушала ее молча.

А та, разразившись еще одним коротким смешком, напомнила всем:

– Вспомните – как; в какой момент наш Николаич возвращался в свой мир. Какой «ключик» открывал дверь в двадцать первый век? Здесь такой ключ не работает. Лично убедилась.

Она поднапряглась, и выудила из памяти Валентины подходящие случаю строки:

*Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор: орех к ореху – чудо!
Одно лишь худо —
Давно зубов у Белки нет.*

И она подняла на уровень глаз Пигмалиона его же руки, на которые умелые служанки (или рабыни) тут же накинули какую-то одежду. Служанки, кстати (в иносказании Крылова «орехи») действительно были все «на отбор» – красавицы, ядреные и... готовые на все. Но, увы – «беззубой Белке», царю, от них нужны были лишь царский хитон, да золоченые сандалии. Ничто – ни в душе, ни в теле так и не восстало.

– Древнегреческие одежды, между прочим, – тут же хором опознали Кассандра с Пенелопой, – а ты, дружок, что знаешь о войне, которую ведут полисы с Илионом?

– Идет, – неохотно процедил Пигмалион, – где-то там.

Он махнул рукой куда-то в сторону восхода солнца, ничуть не собираясь конкретизировать собственное отношение к этому затяжному конфликту.

– А ты, значит, здесь сидишь, – с осуждением заявила Пенелопа, больше всех пострадавшая в свое время от этой войны, – в куколки мраморные играешь?!

– Это не кукла, – вскинулся царь, – это идеал красоты. И когда-нибудь она оживет, и лишь с ней я познаю сладость страсти; только она, моя Галатея, сможет родить наследника моего трона.

– Долго ждать придется, – жестко поставила крест на его мечтаниях Валентина, – тебе свою Галатею, а нам – возвращения домой, к мужу, и всяким плюшкам двадцать первого века. Ну, vedi, мечтатель, корми нас. И себя заодно...

Завтрак был великолепным; поистине царским. Пигмалион не по-детски страдал от своей неосуществимой пока мечты, но и от маленьких радостей жизни не отказывался. Потом, отвалившись вместе с новыми хозяйками его тела от низкого стола, на котором неопробованным не осталось ни одного блюда (а что вы хотели – семь сотрапезников; семь вкусов, и семь аппетитов, совсем нешуточных), велел позвать к себе управляющего.

– Премьер-министра, – перевела для всех Валентина.

Пока рабыни убирали со стола (и сам столик), царь громко похвалялся своим ближайшим помощником, Монодевком. Упирал при этом на его ум и честность. Валентине, немного заскучавшей, пришли в голову очередные строки, которыми она тут же со всеми поделилась:

*Осел был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей не знаком...*

Пигмалион обиженно замолчал, а подружки, залившиеся было хохотом, внезапно замолчали. И было отчего – означенный Монодевк действительно был похож на трудолюбивое животное; настолько, что Валентина каким-то вывертом памяти выудила из далеких школьных годов легенду о Минотавре. Только там гроза лабиринта был рожден от невероятной любви женщины и быка, а тут явно не обошлось без какого-нибудь современного Иа. Эта мысль тоже стала общей; поклонившегося своему господину «министра» встретил смешок, жизнерадостный настолько, что привыкший к меланхолии царя Монодевк с изумлением всмотрелся в его лицо. В царской физиономии все было на месте – и рот, и нос, и губы, готовые объяснить, зачем царедворец понадобился в столь ранний час. Только глаза были чужими – острыми, холодными, оценивающими. Они словно расчленили царедворца на две половины. Меньшая, которая сейчас раболепно улыбалась царю, действительно тащила на своих плечах все тяготы царской власти. Вторая, лицо которой Монодевк не разрешал показывать даже себе, даже в полной темноте, сейчас взывала в нехороших предчувствиях. Министр вдруг понял, что лафа кончилась; что полноводный поток золота, который тек в его личные карманы, вот сейчас обмелеет.

– А может, – подумал он, холодея, – начнет работать в обратную сторону, да так, что не остановится, пока не обмелеют все мои закрома.

– Так и будет, – возвестил кто-то (царь, но чужим голосом), – а пока давай, рассказывай – что разузнал?

Это уже сам Пигмалион вопрошал о своем главном задании – разузнать все о способах оживления камня. И надежды его оправдались. Вытянутое книзу лицо министра вытянулось еще сильнее; рот открылся, показав крупные, чуть желтоватые зубы. Так царедворец показывал свою улыбку. Впрочем, он тут же стал деловитым, начал перечислять легенды, и вполне реальные случаи (как он сам утверждал) подобных чудес. И главным в каждом из таких чудесных превращений было неременное условие – добровольная жертва женщины, готовой отдать свою жизнь ради прихоти царя.

– Абсолютно добровольное, – Монодевк, наконец, замолчал и поклонился до самого пола.

Он готов был покинуть государя, оставить его с милыми сердцу камнерезными инструментами, и стуком стали о мягкий мрамор. Кто бы ему это позволил?! Женщины внутри царского тела загнали перепуганного, на все согласного Пигмалиона куда-то в район пяток,

и делегировали его полномочия русской княгине Ярославне, которая тут же хлопнула министра по тощему плечу, и скомандовала:

– Ну, пойдем, милок – показывай МОЕ хозяйство.

Валентина прокомментировала: опять строками из басни:

*В ком есть и совесть, и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.*

Остальные девушки хихикнули, и принялись обсуждать известие, принесенное Монодевком. При этом они не столько вслушивались в слова Ярославны, наливавшейся яростью тем сильнее, чем глубже она вникала в милые сердцу хозяйственные дела, сколько вглядывались в лица кланявшейся им (царю и его ближайшему сподвижнику) дворни. В глазах придворных, слуг и рабов они читали все – и страх и уважение к ловко пристроившемуся при дворе Монодевку; и равнодушие, переходящее в откровенную издевку над глуповатым царем, не видящим ничего под собственным носом. А его увлечение презренным ремеслом – поняла Валентина – большинство считали не просто блажью, а откровенной глупостью. В этих взглядах не было только любви; а значит, и жертвенности.

Наконец, всей толпой они ввалились в храм. В тишине и полутьме их встретила богиня, Афродита. Как и Галатея, она была молочно-белой и холодной; невосприимчивой к молитвам, несмотря на богатые дары, сложенные у ног статуи. И только оглянувшись от выхода, одарив равнодушным взглядом прислужника, с трудом придерживавшего тяжеленную дверь храма, Кошкина разглядела на устах богини Любви торжествующую улыбку. Она ответила ей; ответила яростным взглядом, и сразу двумя дулями, сложенными из пальцев чужих рук: «Накося, выкуси!». И каким-то чудом поняла, что мраморная богиня восприняла ее порыв; не устыдилась, но устрашилась.

– То-то! – усмехнулась Валентина, не сразу сообразив, чем это командовала теперь Ярославна, откомандированная для ведения скучных, но таких важных хозяйственных дел. Как оказалось, устами царя она уже успела скомандовать соорудить весьма примечательное сооружение. Виселица из свежеструганных бревнышек ждала понурившего голову Монодевка.

– Вы что! – Валентина набросилась на подруг, кровожадно потирающих невидимые руки, – живого человека, и повесить?! Без суда, и следствия? Не дам. Тем более, что мы... в смысле местный царь виноват не меньше.

*Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.*

– Ну, не дашь, так не дашь, – покладисто согласилась княгиня; остальные кивали рядом, – ему же хуже будет.

Пигмалион, покорный ее воле, вяло махнул рукой, и не сопротивляющегося министра (бывшего, конечно) быстро уволокли стражники. А Ярославна пояснила:

– В каменоломнях он сам скоро пожалеет, что остался жив. Ну, а добро, что он украл у государства, уже в казне.

Валентина, к изумлению подруг, обнаружила затесавшуюся когда-то в голову крылатую фразу: «Государство – это я!». Кто из бывших, или будущих государей первым произнес эти слова, Валя так и не вспомнила, но Пигмалион явно воспринял их на собственный счет.

Непривычно оживленный и энергичный, он подхватил под локоток русскую княгиню (прогресс, однако) – в собственной душе, конечно, – и воскликнул:

– Куда мы теперь?!

– Как куда? – остудила его порыв Кошкина, – в столовку, конечно. Война войной, а обед по расписанию.

Царь на «войну» поморщился, явно приняв эту фразу за намек на собственное дезертирство с Троянской войны, и безропотно дал увести себя в трапезную. Обед был еще шикарней; бесконечную вереницу блюд наша великолепная шестерка так и не осилила; царь же вообще потерял аппетит. Когда же насытившиеся и пресытившиеся едой красавицы напали на него, он нехотя объяснил свою меланхолию:

– Уже половина дня прожита, и прожита впустую. Я ни разу не взял в руки молотка, не отсек от мертвой глыбы мрамора ни крошки. Что я оставляю потомкам? Легенду о том, что эллинский царь сошел с ума, вообразив себя женщиной... да не одной, а сразу шестью.

– А что ты имеешь против женщин?! – Кассандра первой подперла бока чужими кулаками, жирными от яств, которые непосредственная во всем Дуньязада украдкой пыталась ухватить царскими руками, – предрекаю: ни одна статуя не выйдет из-под твоего резца до тех пор, пока ты не отправишь нас домой!

Остальные девушки захихикали; вспомнили, как часто сбывались пророчества подруги. Но выдавать ее не стали, поскольку в одном были солидарны с ней – рано или поздно им наскучит в этом мире; даже в облике местного владыки. Дездемона еще и об обещании Валентины вспомнила – о Миланском доме моды...

Чтобы привести дела царства в порядок, какого никогда не видели окрестные полисы, Ярославне понадобилось не больше месяца. Сам Пигмалион меж тем все больше хирел; он забился в самый дальний уголок собственной души, и там безмолвно страдал. Лишь изредка подруги вспоминали о нем, и выволакивали на свет божий, да на собственный суд, суть которого Валентина выразила очередным шедевром баснописца:

*На свете много мы таких людей найдем,
Которым все, кроме себя, постыло,
И кои думают, лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнем*

Тело эллинского царя в это время нежилось на ложе; открытое настежь окно доносило далекий шум волн и приятную свежесть моря. Еще в это окошко заглядывал самый краешек луны, в свете которой таинственно улыбалась Галатея. Пенелопа, которая в своей жизни имела долгий печальный опыт ожидания любимого человека, внезапно вскочила (вместе со всеми остальными), и подхватила с пола молоток скульптора, который лежал у кровати постоянным напоминанием о пророчестве Кассандры.

– Ах ты, тварь! – воскликнула она, замахиваясь на оточенные линии женского тела, воплощенные в мраморе, – сейчас расколю тебя на части, и решу тем самым проблему...

– Или создашь новую, – остановила общую руку благоразумная Ярославна, – кстати, а почему мы оказались именно здесь? При чем здесь русский баснописец? Слышал ли он когда-нибудь вот об этом недоразумении?

Свободная рука Пигмалиона огладила себя от головы до нижней части торса, чуть не добравшись до главного «недоразумения» собственного организма.

– А действительно, – удивилась вслед за ней Валентина, хватая испуганного царя за шкуру, – давай – колись, какой такой баснописец твоего времени связан незримыми нитями с Крыловым; кто мог притащить нас сюда... без нашего на то согласия?

– Не знаю? – пискнул Пигмалион, не пытаясь вырваться из крепкой руки, – может быть...
Эзоп.

– Эзоп..? – протянули сразу несколько нежных голосочков, – ну, давай, рассказывай.

Царское тело опять заняло свое место на ложе, кокетливо отставив в сторону ножку, и задумчиво уставившись на молоток в руках. А через несколько долгих минут Пигмалион открыл рот и начал вещать. Никакой рифмы в его (точнее Эзоповых) баснях не было. Искусство ваять скульптуры обнаженных женщин – вот единственный талант, которым наделили царя боги. Декламатор из него был никакой; так что Валентина скоро не выдержала, и перебила его – естественно, строками из более близкой ей басни:

*Бывает столько же вреда.
Когда
Невежда не в свои дела вpletется
И поправлять труды ученого возьметcя.*

Сразу пять слушательниц шикнули на нее, и велели Пигмалиону продолжать – до тех пор, пока Дездемона не перебила его, воскликнув жарко и победно:

– Вот! Повтори последнюю историю!

Царь покорно повторил:

– Басня «Коварный». О том, как коварный мужчина пришел к оракулу с намерением посрамить его. С воробьем в кулаке и вопросом: «Что у меня в руке – живое, или не живое?».

– Ага, – перебила его нетерпеливая Дуняша, – живое – если выпустить воробья, и мертвое, если посильнее сжать кулак! У нас тоже была такая сказка.

– Дальше, – перебила ее венецианка, – давай, парень, разродись моралью басни.

Пигмалион «разродился» – опять без всяких рифм:

*Полно, голубчик!
Ведь от тебя самого зависит,
Живое оно, или неживое*

– Вот! – опять первой воскликнула Пенелопа, заставив вскочить царя с ложа, – понятно? Все (включая самого Пигмалиона) дружно замотали головой, и уставились на царицу Итаки. И та торжествующе засмеялась.

– Никто – ни боги, ни колдуны нам не помогут. Только мы сами в состоянии взять себя за шиворот, и забросить обратно – в грот, где нас уже заждался Витя. Согласны?

– А что бы можем? – в устах русской княгини этот вопрос прозвучал непривычно жалобно.

– Я могу станцевать! – пискнула прежде других арабская принцесса.

Валентина вполне ожидаемо, хотя и произвольно, скомандовала:

Так поди же, попляши!

Она сама вплела в этот танец собственные надежды, и любовь к далекому, заждавшемуся ее мужу. Как и другие красавицы тоже. И один «красавец». Душа Пигмалиона не выдержала натиска чувств, которыми сейчас щедро одаривали мир его новые, непрощенные знакомые. Он – как когда-то Кошкин – «заразился» волшебством танца, добавил в него, а значит, и в окружающее пространство свою энергию. И эта капля переполнила какую-то чашу, полную чуд; в мир щедро плеснуло, прежде всего, на застывшую в своей молочно-лунной красоте статую. Безжизненные многие годы глаза Галатеи вдруг зажглись огнем; а мрамор, который должен

был осыпаться пылью при малейшем движении, стал теплым и мягким. Руки этой красавицы протянулись к возлюбленному; она явно готова была тоже закружить в танце. Но не успела – Пигмалион сам шагнул к ней без всякой команды со стороны, и заключил ее в объятия. И было это объятие настолько теплым, и убаюкивающим; умиряющим неистовую энергетику пляски, что Валентина невольно закрыла свои глаза (которых, вообще-то здесь, в эллинском царстве, не было). Закрыла со словами из басни:

*Со светом Мишка распрощался,
В берлогу теплую забрался,
И лапу с медом там сосет,
Да у моря погоды ждет...*

– У моря, – улыбнулась Валентина, обнимая Галатею покрепче, – у самого Средиземного моря!

– Блин, Валя, – воскликнула дернувшаяся в руках «Галатея»; воскликнула голосом любимого мужа, – ну, я еще понимаю – расцарапать спину до крови ногтями. Сам люблю тебя так же сильно. Но чем ты теперь меня?!

Валентина, а с ней еще пять женских сущностей в изумлении не только сами вскочили на ноги, но и подняли не такого уж легкого Кошкина. И принялись вертеть его; прежде чем прижать к необъятной груди.

– Дождались, – шептали губы сразу шестерых красавиц, – дождались «у моря погоды».

А счастливый не меньше их Николаич покорно принимал ласки; только чуть опасливо косился на правую руку супруги, в которой был зажат неведомо откуда взявшийся молоток...

Примечание: В тексте шрифтом выделены отрывки из басен Ивана Андреевича Крылова.

2. Стихи о прекрасных дамах

*Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве бывшее не прах?*

Валентина не задавала себе таких вопросов. Она лечила свою нервную систему – целую неделю. А вместе с ней «лечились» и все пять красавиц в ее душе. Хотя, что им-то было переживать? – они были опытными путешественницами во времени. И рисковали не собственными шкурами.

– Скорее всего, – догадалась, наконец, Кошкина, – это они меня так поддерживают. Жалеют, несчастную.

«Жалели», кстати, все вокруг – весь отель; и обслуживающий персонал, и отдыхающие британцы, и любимый муж. Это после того, как Валентина, находившаяся в первый день после путешествия в далекую Элладу под особо сильными впечатлениями, устроила грандиозную головомойку английской семье, пробормотавшей вечное «Мо-о-онинг» без должной почтительности.

Так что все передвигались по коридорам перебежками; уверившись, что грозная «русская миссис» отсутствует в пределах слышимости и видимости. И на пляже рядом был лишь Виктор Николаевич, да несчастный юноша-слуга – тот самый, что однажды осмелился опрокинуть на чарующую плоть Валентины Степановны полстакана коктейля со льдом...

Валя послушала, как весело стучат о стенки очередного бокала кубики льда, кивнула, и позволила себе, наконец, признаться, что никакие нервы у ней не страдают. И что гнетет ее все последние дни единственный вопрос: «И что дальше? Куда мы теперь с вами, подруги... «дней моих суровых»?

– Как куда? – первой удивилась неугомонная Дездемона, сильнее других «страдавшая» вместе с подругой, а теперь одним мгновением сменившая тон ангельского голосочка с печального, даже трагического, на восторженный, предвкушающий приключения, – в новое путешествие! Предлагаю сегодня же лететь в Венецию. Там я, девчонки, расскажу вам пару удивительных историй... и покажу, где меня в первый раз...

– Ага, – сварливо вступила в разговор Пенелопа, – а они, эти истории, тоже как-то связаны с маврами?

Нежный голосочек Дуньзады, присоединившейся к полемике, казалось, звенел от возмущения:

– А что вы имеете против мавров? Они, кстати, в каменные статуи не влюбляются; предпочитают живых принцесс. Так что милости прошу в наши края...

– Девочки!!! – Валентина одним мощным рыком внутри себя не дала разгореться ссоре, от которых отдыхала всю последнюю неделю, – давайте без этого... куда нам ехать, и кого искать, решим общим голосованием. Но точно не к тебе, Дуняша; не в Багдад. Там сейчас знаешь, что творится? Включи телевизор – каждый день новый террористический акт.

Кошкина действительно нажала на кнопку пульта (этот удивительный разговор продолжился уже в люксе, на необъятной кровати, с краешка которой примостился Николаич со своим ноутбуком); огромную комнату заполнили волшебные ритмы фламенко. Шестерка красавиц замерла, очарованная неистовой мелодией и стремительными движениями танцовщицы. В голове же Валентины одновременно зазвучали не менее волшебные строки:

*Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют
Они блаженны навсегда.*

Пелена очарования спала с общих на шестерых красавиц глаз очень быстро – вслед за хмыканьем Виктора Николаевича. Ученый историк, он же танцовщик, какого еще надо было поискать (и вряд ли можно было найти в целом мире!) оторвался от своего компактного компьютера, и принялся комментировать танец на экране, в котором – по его словам – ошибок было больше, чем клопов в матрасе.

– Какие клопы?! – вскочила было с кровати Валентина, – откуда они тут?!

– Да не здесь, – успокоил ее Николаич, на всякий случай принявший низкий старт для побега (он еще не прочел в голосе любимой женщины, что недельная гроза миновала), – это я свои студенческие годы вспомнил. Так вот тогда, на дискотеках, мои однокурсники лучше отплясывали.

Он еще раз презрительно хмыкнул, и опять уткнулся в маленький экран. На большом продолжала развевать юбками смуглокожая испанка, но Валентине было не до нее. Как и до той невероятной мысли, что ее Витенька, оказывается, когда-то ходил на дискотеки (пусть до знакомства с ней, но что это меняло?!). Потому что она, наконец, задала вопрос, мучивший ее уже несколько дней:

– А ну-ка, Витя, – велела она строго – так, что муж опять на время превратился было в Усейна Болта перед стартом, – посмотри там, в своем ящике, что это за строки сами собой засоряют мои мозги.

И она продекламировала – с чувством, с толком, с расстановкой. А непревзойденная декламаторша Кассандра помогла ей в этом так мощно, что, казалось, стены отеля затряслись:

*Все бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный презренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья
Чтоб отлететь в иную пустоту.*

Пальцы Николаича забегали по клавиатуре без всякой команды; за тем, чтобы вай-фай в этом номере был самым быстрым и полным в мире, следил отдельный человек. И сейчас выяснилось, что этот специалист совсем недаром ел свой хлеб (оплаченный, кстати, той самой заветной карточкой Валентины). Уже через десяток секунд Виктор Николаевич торжественно заявил:

– Александр Блок. «Стихи о Прекрасной даме!».

– Ну, и где здесь Испания? – озадачилась прежде всего Валентина, – хотя, конечно, я из Блока, из школьной программы помню только: «По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух, И правит окриками пьяными Весенний и тлетворный дух».

Красавицы внутри, а раньше них Николаич, посмотрели на Валю с уважением. А потом начали общим хором убеждать Валентину, ну, и самих себя, что великий русский поэт как никто другой подходит для описания волшебных ночей Кордовы, нежно тающих во рту кусочков паэлья, и горячего нрава истинных испанских кабальеро. На последних (Виктор Николаич от этого спора был уже отрезан, хотя и косился заинтересованно от своего ноутбука) Валентина сломалась. После того, кстати, как муж с некоторым озорством подмигнул ей, и сообщил, что

Прекрасной даме поэт посвятил аж сто двадцать девять стихов, и что ей, Валечке, придется выучить их все – если она, конечно, хочет совершить новое путешествие в неведомое прошлое.

– За очередным молотком, – засмеялся, наконец, Кошкин.

За что и был немедленно наказан. Валентина решительно отобрала у супруга ноутбук; на задрожавшие губы Николаича отреагировала нежно, но непреклонно: поцеловала их, а потом пообещала:

– Верну! Вот все сто двадцать девять выучу, и сразу верну.

Она не стала слушать нытье пораженного таким вероломством мужа, повернулась к хихикающим в душе подругам:

– Хорошо, – согласилась она, наконец, вслух, – едем в Испанию, оценим, насколько горячи там... быки.

– О! – вскинулся тут же муж, зачем-то почесавший лоб, – это ты про корриду?! И я хочу посмотреть!

– Посмотришь, – зловеще пообещали ему сразу шесть женских голосов...

Отдых напрасен.

Дорога крута.

Вечер прекрасен

Стучу в ворота.

Никто в ворота не стучал. Все они (двери, а не ворота) были распахнуты настежь. А вдоль коридоров и холла отеля выстроились согнувшие спины в глубоких поклонах сотрудники; все – начиная от шеф-повара, до хозяина. Вот для кого этот вечер действительно был прекрасным. Баснословно щедрая, но такая непредсказуемая в своей ярости (особенно ее прекрасная половина) пара, наконец-то, покидала их. Николас, хозяин, лично принес им презент от отеля – два билета на прямой авиарейс до Мадрида. И даже открыл последнюю на сегодняшний день дверцу – в том самом автомобиле, который уже возил Валентину в незабываемое путешествие.

– Пока, Коленька, – потрепала его по пухлой щеке Кошкина, – мне у тебя понравилось. Жди в гости... очень скоро.

Николас содрогнулся всем телом, и согнулся в поклоне еще ниже. Так что юркнувшему вслед за супругой Николаичу пришлось самому захлопывать дверцу. А Валентина, довольная и проводами, и произведенным последними словами эффектом, сразу же уткнулась в ноутбук. И потом, в «Боинге», она отвлеклась лишь на поздний ужин, и снова принялась беззвучно шевелить губами – так, утверждала она, стихотворные строки запоминались легче. Они, кстати, укладывались в память удивительно быстро и прочно. Может, потому, что вслед за Валей эти божественные строфы внутри нее повторяли сразу пять голосов, среди которых выделялся своей торжественной строгостью талант Кассандры. Валентина понимала каждую из них; в новом путешествии (если оно, конечно, случится) ее подруги не желали болтаться в душе бесполезным балластом; они хотели быть не просто зрительницами, но и активными участницами новых приключений.

Пока же эти приключения вылились в шумную мадридскую ночь; в очередное построение персонала лучшего отеля испанской столицы; наконец, в скандал, который учинила Валентина в первый же день их экскурсии по самым интересным (читай – значным) местам Мадрида. Кошкина, а вместе с ней и пятерка красавиц, напробовавшись в микроскопических рестораниках той самой знаменитой паэлы (на которую Дуньязада отреагировала: «Пф-ф-ф! Рядом с нашим пилавом это даже рядом не стояло. Где здесь мясо?»), и испанского вина, которое в угрожающих количествах потребовало у шестерки душ развернуться во всю ширь, и пролиться на головы несчастных испанцев грандиозным скандалом. Он и разразился, уже на три-

буне знаменитой арены, где на алтарь человеческой жестокости и азарта (точнее, на песок) десятки лет лилась кровь быков.

– И это быки?! – возмутилась Валентина, а вслед за ней и Ярославна, – да у нас... да у нас в России поросята крупнее!

Бык, гонявший по арене знаменитого матадора, действительно никак не походил размерами на племенных громадин, которые ценятся больше всего ради быстрых привесов и вкусного мяса. Но яростью он превосходил любого из животных, каких за долгую эволюцию цивилизации приручил человек. Но не Валентину!

Николаич только горестно схватился за голову (на которой, в отличие от бычка, не было никаких рогов), а потом ринулся вслед за супругой на арену. Огромное ристалище замерло – так, что даже в самых отдаленных (читай – самых дешевых) уголках стало слышно, как шумно дышит остановившийся бык, и даже (это уже кто-то из подруг в душе отметил), как капает на песок арены кровь из ран несчастного животного. Несчастного – потому что этот «гладиатор», утыканный клинками (мулетами – так, кажется, они назывались), словно дикобраз, еще не знал, какое унижение ему сейчас предстояло вынести. А заодно и матадору, с недоумением уставившемуся на несуразную пару, появившуюся перед ним...

Нет! – только на женщину, которая раздувала ноздрями в ярости не хуже, чем жертвенный бык.

*Не сердись и прости.
Ты цветешь одиноко.
Да и мне не вернуть
Этих слов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.*

– Безнадежен, – кивнула ему Валентина, – еще как безнадежен.

Вслух же она разразилась гневной речью, понятой матадором до самых глубин, несмотря на то, что все слова в ней были на русском языке:

– Ты зачем теленка мучаешь, паразит? По шее захотел?

Кошкина шагнула к быку; тот не успел отреагировать, как одна из мулет оказалась в женской руке. На песок тонкой струйкой полилась кровь. Испанец зачарованно уставился на этот кроваво-красный источник, и не успел отметить, как шпага взметнулась вверх, и опустилась со свистом, одарив его ягодицы острой, пронзительной болью. И это Валентина еще ударила плашмя; не так, как сам матадор быка. Парень взвизгнул совсем не героически; подпрыгнул на месте, и бросился к тем воротам, откуда недавно на него выпустили разъяренное животное. Теперь он спасался от другой ярости, гораздо более страшной и беспощадной. Надо сказать, что Валентина в своей страсти была прекрасной. Одетое по случаю первого выхода в мадридский свет длинное платье огненно-красного цвета пылало в лучах солнца; ее движения были не отрывистыми, резкими, как можно было ожидать. Нет – даже сверканье короткого клинка было сейчас словно частью танца. Да и всю огромную чашу арены, зрители которой вскочили в едином порыве, будто заполнила музыка фламенко; в какой-то момент они начали ритмично хлопать, заставив шестерку плясуний в теле Кошкиной закружить... не забывая, впрочем, о матадоре.

Несчастный испанец, наконец, визгнув в последний раз от сильного, и еще более обидного удара стальным лезвием по покрасневшим ягодицам, которые уже проглядывали сквозь лохмотья узких штанишек, скрылся за воротами. А Валентина, и вместе с ней пятерка ее партнерш по неистовому танцу, повернулись к центру арены, где в пляску вступили два других участника, до того безучастно (и восхищенно, конечно!) наблюдавших за волшебным действием.

Бычок вздрогнул всем телом – в тот момент, когда створка ворот громко хлопнула, закрываясь – и низко наклонил голову, так что теперь никто не мог видеть, как его глаза стали заполняться кровью, сравниваясь цветом с платьем Валентины. Коротко рыкнув и взрыв копытами плотный песок, он рванулся в сторону ярко-красного пятна, недавно мелькавшего на арене, а теперь застывшего в дальнем ее конце. И тут же обиженно мукнул, резко тормозя и разворачиваясь; теперь его копыта подняли целые тучи песка. Да и кто бы не остановился, не попытался поднять противника на короткие рога, получив по хребту молотком?!

*Душа в стремленьи запоздала,
В паренье смутном замерла,
Какой-то тайны не познала
Каких-то слов не поняла...*

Николаич, наконец, прервал смутное парение собственной души, и тоже вступил в танец. Он не слышал слов Валентины, но порыв ее души уловил; в его собственной душе сейчас тоже звучала музыка, заполнявшая, казалось, всю арену. А в руке неведомо каким чудом оказался молоток древнего скульптора. Кошкин был одет сегодня в костюм испанского кабальеро, во многом схожий с нарядом матадора. Только штаны у него были целые. Большинство зрителей, сейчас с замиранием сердец следившие за актом трагедии, разворачивающейся на их глазах (это они так думали) – окажись на месте Кошкина – наверняка запачкали бы эту узкую черную деталь мужского гардероба. Да и сам Виктор Николаевич – будь его воля – сейчас улепетывал бы без оглядки; да хотя бы к тем же воротам, чтобы скрыться за ними. Но его телом командовала не струсившая, и спрятавшаяся неведомо куда душа, а нечто могучее, связанное с мелодией и ритмом, который задала супруга. Его движения были отточенными; хотя никто и не учил его мастерству боя с быком. Тем не менее, сейчас самый великий матадор всех времен и народов позавидовал бы тому, как легко и изящно он отклонился в сторону, пропуская взявшего с места в карьер быка мимо себя так, что туго натянутая на боку материя даже нагрелась, и наэлектризовалась от трения лоснящейся черной шерсти животного. Целая россыпь искр пробежала по этой шерсти, заставив ее вздыбиться, превращая действительно не самого крупного представителя бычьего племени в страшное чудовище. Такое, что Валентина в дальнем краю арены испуганно ахнула, и замерла на месте. Даже заверещавшие в ужасе красавицы в ее душе не могли сейчас сдвинуть ее с места. А Николаич тем временем творил чудеса. Такие, что даже запыхавшийся бык скоро понял – этого соперника, исчезающего в одном месте, и возникающего (с торжествующей, почти презрительной улыбкой) в другом, ему не победить; не зацепить даже краешком рога.

И тогда эта живая машина разрушения и смерти повернулась, и начала свой стремительный бег на замершую у ворот женщину. Теперь замолчали все шестеро. А Валентина была спокойна; она почему-то была уверена, что Николаич, ее Витенька, успеет вмешаться, не допустит трагедии.

*Ты горишь над высокой горюю,
Недоступна в своем терему.
Я примчуся вечерней порою
В упоенье мечту обниму.*

Недоступной была Валентина – для быка. Потому что Виктор Николаевич действительно вмешался. Он – как бы ни были стремительны его танцевальные па – не успевал встать на пути быка; принять на свою щуплую грудь удар страшных рогов. Его внимание теперь было сосредоточено на одной точке – подрагивающем в возбуждении кончике хвоста. Кошкин подпрыг-

нул в отчаянии, и вцепился в него; в кисточку, подобную львиной. Его несоизмеримая с бычьей масса; его ноги, прочертившие в песке глубокие борозды, свершили невозможное! Бык, уже начавший поднимать голову от земли, замер в полуметре от Валентины. Два взгляда – человеческий, не выражавший ничего, кроме безмерного любопытства (и немного гордости – за «матадора», любимого мужа) – и звериный, полный огненно-красной ярости, встретились...

Рука Валентины, направившая вниз острый клинок, была по-мужски твердой и безжалостной. И крик, вырвавшийся из совсем не роскошной груди, стянутой чем-то явно железным, и очень тесным, был каким-то хриплым, совсем не похожим ни на один из волшебных женских, что поочередно брали верх в устах Валентины Кошкиной. Но неистового восторга в нем было так много, что она невольно замерла – прежде чем вернуть себе первенство в принятии решений, и одарении окрестностей звуками своего ангельского голосочка.

– Поразил! Я победил ужасного дракона, от которого бежал бы сам Сид! И нога моя теперь попирает голову, которая прежде пожирала принцесс и изрыгала дьявольский огонь!

Тощая длинная нога, «украшенная» ржавым железным наколенником, действительно поднялась, и опустилась на голову... барана, который еще дрыгался в предсмертных конвульсиях. Мужик, рыцарь, замер в горделивой позе, попирая жертву, только что заколотую его длинной (как не удивительно – тщательно вычищенной) шпагой, и женщины воспользовались этой долгой паузой, чтобы оглядеться.

Унылый пейзаж вокруг очень органично дополняли клубы пыли, которые поднимали сородичи «дракона», и их хозяева, или погонщики. Блеяние овец, и громкие испуганные голоса мужчин быстро удалялись. Лишь один представитель здешнего сильного пола не спешил. Он ничем не походил на Виктора Кошкина, только что на глазах любимой супруги совершившего подвиг – в отличие от этого вот, овечьего – самый настоящий. Человек, сидевший в пыли, и готовый чихнуть, держал барана не за хвост, а за заднюю ногу, и дергался вместе с животным, словно тоже готов был отдать богу душу.

*О, как паду – и горестно, и низко
Не одолев смертельные мечты!*

– За кусок жареной баранины, – поняла его терзания Валентина, и Ярославна первой согласилась с ней, с истинно княжеским величием повелев этому простолюдину, скорее всего слуге рыцаря, душа которого только что стала богаче на шесть женских ипостасей, – чего сидишь, несчастный?! Давай быстрее разделявай этого ягненка. Не видишь – господин твой голоден, как... как...

Русская княгиня, а за ней все остальные замерли в замешательстве, осознав, насколько голодно тело, в котором они очутились; насколько пусты желудок этого господина, и все остальное, заканчивающееся... Мужская рука невольно почесала зад, тоже защищенный ржавой сталью; сам он с гордостью пояснил:

– Вкушать яства на пирах; обжираться, подобно таким вот приземленным чадам божьим (тут его железный перст уперся в грудь слуги, уже вскочившего на ноги, но так и не посмеявшегося чихнуть), не главное в жизни истинного рыцаря!

– Я что главное? – слаженным дуэтом воскликнули две элинки.

Воскликнули на безупречном староиспанском, и идалго их понял; а поняв, совсем не удивился голосам в собственном нутре; лишь ответил, гордо отставив ногу:

– Главное – свершать подвиги во славу Прекрасной Дамы! В моем случае – во славу Дульсинеи Тобосской!

– Вот! – заставил его заткнуться слитный женский вопль, – вот почему Александр Блок, и его «Стихи о Прекрасной даме».

Великий русский поэт еще не родился, но сейчас устами сразу шестерых прекрасных дам он приветствовал древнюю землю, по которой шастали такие странные личности; в сопровождении совершенно никчемных (как вскоре выяснилось) слуг.

– Дульсинеи? – первой протянула Валентина, – где-то я это имя слышала. Впрочем, у нас есть своя – Дуньязада. Правда, не Тобольская, а Багдадская, но это даже лучше звучит. В Тобольске, как я думаю, ты, парень, уже околел бы от холода – в своем железном «тулупчике». Давай-ка я помогу тебе его снять. Сам ты можешь таскать ржавые килограммы, сколько душе угодно; но, пока мы у тебя в гостях, дай-ка нам свободы и возможности вздохнуть полной грудью!

*Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.*

Голос, точнее голоса, были совсем не слабыми. Они тут же развеяли туман в голове несчастного рыцаря, и перед мысленным взором «раба» все шесть красавиц представили собственные прелести (кто-то даже обнаженными). Мужчина совсем не их мечты, который собрался было поправить Валентину, в ее ошибке с далеким сибирским Тобольском, в смятении едва не проглотил собственный язык. Благо, что им сейчас управляла хозяйственная Ярославна. Она быстро выяснила, что Санчо – так звали слугу – не умеет делать ничего, кроме как есть (жадно и обильно) и мечтать о собственном острове, который господин обещал ему на кормление за верную службу (!).

– Ну, хоть костер-то ты развести сумеешь?! – грозно нависла княгиня над Санчо телом его господина.

Слуга пискнул что-то и понесся к зарослям неподалеку; за хворостом. А Ярославна – к изумлению и возмущению рыцаря – принялась разделять барана его длинным клинком. Но сначала (как благородный рыцарь не сопротивлялся) женщины в шесть пар рук – вообще-то это была одна пара, его собственная – разоблачили его. В физическом смысле. Так что перед толстячком-слугой, с пыхтением притащившим первую охапку хвороста, господин предстал в какой-то полушерстяной фуфайке и подштанниках. Последним в кучу ржавого железа полетел подозрительно легкий шлем, прежде намертво державшийся на голове идадьго посредством легкомысленных, совершенно дамских ленточек, увязанный под подбородком мертвым узлом.

Валентина даже не стала пытаться развязать этот узел; она дернула его сильными, несмотря на ужасающую худобу, пальцами, и в изумлении уставилась на результат этого рывка. Бантик, связанный на узел по примеру знаменитого гордиевого, выдержал. Зато расползся сам шлем, в котором железным был только наверху-шишак. Все остальное было не очень талантливо выполнено из какого-то картона, сейчас разломанного на мелкие кусочки. Шишак полетел к своим собратьям по рыцарским доспехам, а его хозяин горестно взвыл.

– Не ори! – шугнула его Валентина, отчего рыцарь ломанулся в самый укромный уголок собственной души, – лучше рассказывай.

– О чем? – пискнул от левой пятки бесстрашный искатель приключений, победитель «дракона».

– Обо всем, – отрезала Кошкина, – «Откуда, куда, зачем?». А главное – кто ты такой, и какого черта ты слоняешься без дела? Что – от своей Прекрасной дамы сбежал? Или выгнала?!

Он приклонил с вниманьем ухо,

*Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до уха
Цветет, блаженствует, растет...*

Женщины, приклонившие с вниманием уши (одна пара на всех, и та чужая) захихикали, и это заставило идадьго опять попытаться отставить горделиво ножку, уже лишённого и наколенника, и железного ботинка. Теперь на него шикнула Ярославна, как раз одним могучим ударом отделившая баранью голову от остального тела (тоже бараньего). Рыцарь поспешно заговорил, явно уstraшенный последним движением собственной руки:

– Я – Дон Кехара, родом из провинции Ламанча, повелением господа бога нашего, странствующий рыцарь. Я бросил свой дом и домочадцев, чтобы в лишениях и опасностях сражаться с чудовищами, и бесчисленными ратями. Единственная цель моей жизни – чтобы все вокруг, и прежде всего побежденные мной герои, признали: нет на земле женщины красивей и добродетельней, чем Прекрасная Дама моего сердца – луноликая Дульсинея Тобосская.

Он испуганно замер; даже закрыл внутри себя глаза – не оттого, что на него сейчас готовы были обрушить гнев сразу шесть других красавиц (последнего не мог отрицать даже этот полумный идадьго). Нет – все вздрогнули от ликующего вопля Валентины:

– Вспомнила! – закричала она, звонко хлопнув рукой, испачканной кровью, по лбу рыцаря, – вспомнила из школьной программы! Ты (палец идадьго уперся в собственную грудь) Дон Кихот Ламанчский, рыцарь Печального образа! Как там мельница – не сломал еще?!

– Дон Кихот? Дон Кихот Ламанчский..., – попробовал на вкус новое имя рыцарь, – а что? Мне нравится. А что за мельница?

– И нам тоже нравится! – бесцеремонно перебила его Кошкина, – а сам ты не очень. Точнее – совсем не нравишься. Ты когда в последний раз мылся?

– Ну..., – замялся рыцарь, – дома еще, с пару седмиц назад...

– Ах! – возмущенно и брезгливо воскликнули сразу шесть хорошеньких женских роти-ков; Валентина даже вспомнила из школьной программы (а может, и более ранней), – «... А немытым трубочистам стыд и срам!».

– Стыд и срам! – поддержали ее подруги, – вот сейчас перекусим, и вперед – искать баню; или термы, иль хамам!

– Бочку с теплой водой, – буркнул Санчо, толстый нос которого подозрительно шевелился; уши, кстати, под широкополой шляпой, тоже – явно наслаждаясь шкворчанием бараньего жира на углях.

– Разве это главное в жизни? – опасливо, но непреклонно заявил рыцарь.

– А что главное? – в очередной раз поинтересовалась Валентина, и сама же ответила; строками Алескандра Блока, конечно:

*Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь один завет
Завет служенья Непостижной.*

Практичная Ярославна отреагировала раньше самого Дон Кихота:

– Это служенье скоро закончится. Проще говоря – сдохнешь ты, рыцарь, от голода. Если раньше вши не сожрут!..

Баран, в шкуре и копытах казавшийся таким большим, как-то незаметно и очень быстро исчез в двух бездонных испанских желудках. Кому-то (слуге, конечно) еще и мало показалось. Санчо Панса вздохнул, вытер жирные пальцы о штаны, и поплелся пристраивать доспехи господина на спину своего осла. Второе животное, носившее гордое имя Россинант, теперь

понуру склонившее голову, вздохнуло еще горше, когда Дон Кихот, а с ним и шесть красавиц, каких не видела испанская земля, вскарабкались на него. Вот таким караваном – гордый рыцарь на коне, а следом слуга с ослом на поводу – наши герои и героини добрались до ближайшего постоялого двора. Женщины непрестанно ворчали, и пытались не позволять Дон Кихоту баловать ручонками. Но, поскольку женское любопытство не знает границ, они то и дело отвлекались на чудесные пейзажи испанской глубинки – то на мелькнувший вдали замок, то на крестьян и крестьянок, почтительно клонивших спины на обочине дороги – пока надменный идадьго, сегодня путешествующий без доспехов, следовал мимо, не одаривая их даже кивком головы. В такие моменты рыцарь отчаянно чесался в самых разных частях тела, прежде скрытых железом. Может, так он реагировал на волшебные картинки, что родились в его голове благодаря словам, привнесенным незнакомкам, неведомо как оказавшимся в его тощем теле: баня, хамам, термы, и...

На постоялом дворе оказалась – как и предвещал практичный Санчо Панса – лишь бочка. И ту пришлось ждать; пока не очень шустрые служанки нагрели достаточное количество воды. А потом – когда Панса притащил табуреточку, благодаря которой рыцарь мог с достоинством погрузиться в огромную (литров на триста) бочку, произошло событие, на взгляд скромницы Валентины, весьма неординарное. Дон Кихот спокойно разделся донага – прямо во дворе, где сновали так же неспешно женщины разных возрастов и степеней красоты. Пока Кошкина приходила в себя от такой непосредственности, к бочке подступила ядреная служанка, вооруженная какой-то ветошью, которая в средневековой Испании заменяла мочалку. Она назвалась Мариторнес, но благородный рыцарь лишь отмахнулся – что ему было до имени бабы подлого сословия?!

*Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. —
Меня не зови —
Я и сам уж давно ворожу.*

Подруги шикнули на возмущившуюся было Валентину, и с нетерпением стали ждать продолжения. А потом разочарованно выдохнули воздух из впалой чужой груди, по которой как раз сновала женская рука. Потом она (рука) опустилась ниже, добираясь в грязной воде до самых истоков. Увы – тот самый исток никак не отреагировал ни на поглаживание женских ладоней, ни на тепло тяжелых грудей, возлегших на его голую спину, ни на внутренние тычки гостей:

– Ну, ты что, парень, – первой воскликнула Дездемона, – девка к тебе всей душой, а ты?! Хоть улыбнись ей!

– Еще чего! – возмущению благородного идадьго не было предела, – я и прежде не снизошел бы до простолюдинки, а теперь – когда на всем свете не существует для меня женщин, кроме Дульсинеи Тобосской...

– Все с тобой понятно, – вздохнула прекрасная венецианка, – учить тебя надо; хорошо хоть не переучивать.

– Это как? – не поняла Валентина, совсем не типичная представительница более просвещенного, и более развращенного века.

– Да наш благородный рыцарь девственник, – расхохоталась Дездемона, – разве вы не поняли еще?!

Теперь развеселились все. Кроме самого идадьго, конечно. Он попытался по привычке отставить вперед ножку, но в бочке, полной воды, это сделать было не так-то просто; да и не увидел бы этого никто. Потому он только выпятил вперед подбородок, украшенный куцей

(козлиной – еще раньше заметила острая на язык венецианка) бородкой, и проскрипел сквозь зубы, выплюнув порцию грязной воды:

– Ваши грязные измышления, благородные дамы – совсем не главное в жизни рыцаря. Без плотских удовольствий вполне можно прожить; уверяю вас. А вот без служения великому; господу Богу нашему, или идеалу собственной души никак. Иначе это будет уже не рыцарь.

*Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я цвету еще в последний день,
Мои мечты – священные чертоги
Моя любовь – немеющая тень.*

Он вдруг смущенно умолк. Валентина сунулась было к нему с вопросом о том, что означала такая заминка, но ее опередила Дуньязада. У этой восточной принцессы, которая приобщила к волшебству танца ее мужа, а потом саму Кошкину, слова Дон Кихота вызвали неподдельное возмущение. В своей прежней, богатой на роскошь и приключения жизни она родила девять детей, да еще руководила воспитанием полусотни гаремных, которых любила и холила как родных; теперь же она воскликнула, открыв рот так, что испанец опять глотнул добрый глоток воды и закашлялся:

– А детей, маленьких рыцарей кто за тебя будет делать? Он?!

Собственный палец Дон Кихота протянулся в сторону слуги, но тому не было дела до господина. Мариторнес уже выполнила свои прямые обязанности, и теперь, не дождавшись от идадьго приглашения к другим, тоже жизненно важным (по уверениям арабской принцессы), стояла в сторонке с недоуменным, и даже чуть презрительным выражением круглого лица. Румяные щеки женщины буквально пылали – от того же возмущения, а может быть, и от зарождающегося смущения. Впрочем, рыцарю Печального образа не было никакого дела до зарождающегося адюльтера; он потребовал для себя постель, и отправился в опочивальню, отказавшись от позднего ужина. Постоялицы его тела не возражали; полбарана до сих пор теснились рядом с ними приятной тяжестью. Дон Кихот практически сразу же захрапел, сытый и чистый, как никогда прежде. Громкий шепот красавиц нисколько не мешал ему, так же, как любовная схватка, разразившаяся в соседней каморке.

В какой-то момент Пенелопу стало раздражать столь буйное проявление чувств; она подняла руку идадьго, и мохлястый кулак обрушился на стенку. За ней на время наступила тишина, и на господском одре продолжилось неспешное обсуждение ситуации. Общий итог подвела все та же царица Итаки, которую подруги небезосновательно считали самой мудрой (что не умаляло ее красоты).

– В общем, – вздохнула она, ничуть не стесняясь возможного подслушивания со стороны прекратившего храпеть испанца, – такова наша, девчонки, планида. И сейчас, как в случае с малахольным Пигмалионом, и потом, в следующих наших путешествиях (если они будут), придется нам брать бразды правления в собственные руки. Никакой надежды на мужиков нет. По крайней мере, со времен троянской войны...

– И до наших дней, – подхватила Валентина, не поясняя, однако, кого именно имеет она в виду, – и что ты предлагаешь?

Дон Кихот, всхрапнувший было, опять замолчал; теперь все были уверены, что благородный рыцарь банально подслушивает женский разговор. Царственная элalinka, ничуть не смущаясь этим обстоятельством, пояснила:

– Будем бродить с идадьго, наслаждаться его и собственными приключениями. До тех пор, пока не встретим женщину, которую сочтем достойной... ну, вы сами понимаете чего.

Не жду я ранних тайн, поверь

*Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.*

Длинное тощее тело на кровати чуть подпрыгнуло, словно его номинальный хозяин вознамерился спросить: «Я! Я не понимаю, чего! Объясните, будьте добры! Что это за дверь, которую надо открыть?». Впрочем, вряд ли Дон Кихот привык разбрасываться столь учтивыми словами; разве что с Прекрасными Дамами. Таких здесь, в одной постели с ним, было шестеро, и одна из них – Валентина Степановна, вспомнившая очередной отрывок из бессмертного творения Мигеля Сервантеса де Сааведры, ткнула испанца в бок – его собственным кулаком:

– А признайся-ка нам, милый друг – по праву ли носишь высокое звание рыцаря; назови имя того, кто возвел тебя в это звание?!!

Проснувшийся идалго пристыжено замолчал, а потом пролепетал – с дрожью в голосе:

– Увы, благородная донья, я действительно только вознамерился просить первого же принца, который встретится на моем пути, просить о такой высокой чести. Хотя душой я давно полон рыцарской добродетели и храбрости... да вы и сами могли убедиться в этом, став свидетельницами моей последней победы над страшным чудовищем.

– Помним, – кивнула Валентина, невольно погладив чужой впалый живот, к утру забывший о половинке барана, и сейчас требовательно заурчавший, – мы готовы помочь тебе в твоём деле.

– Вы! – вскричал идалго с изрядной долей сомнения, и еще большей надеждой, – да кто вы такие, чтобы господь Бог признал вас, и ваши руки достойными для возложения звания, благородней которого нет, и не может быть?!

– Кто?! – хитро прищурилась Валентина, – а вот кто! Девочки – представьтесь. Можно лежать, без книксенов.

– Кассандра, – первой, по старшинству и дате рождения представилась пророчица, – дочь царя Илиона, Приама.

– Пенелопа, – тут же подхватила другая эллинка, – царица Итаки, супруга могучего и хитроумного Одиссея, героя троянской войны!..

Самым длинным оказалось представление Дуньязады. Одно перечисление титулов ее царственного супруга могло занять пару машинописных листов; но не заняло – потому что никто еще не изобрел печатную машинку. Устрашенный и восхищенный идалго припал к ногам монарших особ (то есть к собственным); для этого ему пришлось сползти на пол. И его просьба была удовлетворена – после того, как сам он пообещал выполнить любое их требование. Из «богатого» снаряжения испанского воина в комнате был лишь длинный меч. Вот за его рукоять и ухватились руки сразу нескольких монарших особ. Сторонний наблюдатель увидел бы, как тощий идалго взмахнул в полутьме комнаты клинком, едва не задев потолок, и обрушил его плашмя на оба плеча, поочередно. И словно невидимые эполеты тут же засверкали на них отсветом озарившегося радостью и гордостью лица новоиспеченного рыцаря...

*Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная
Всходишь ко мне на крыльцо?*

Утром на высокое крылечко вышел истинный рыцарь, заполненный величием и чувством собственного достоинства настолько, что хозяин заведения, сунувшийся было к нему с какими-то словами, тут же затолкал их поглубже внутрь себя, и лишь почтительным жестом и глубоким поклоном пригласил Дон Кихота к утренней трапезе. Следом за хозяином с еще более тор-

жественной физиономией прошептал Санчо Панса. По его лицу, по масляно блестящим глазам, трудно было догадаться, что этот почтенный оруженосец не спал всю ночь. Впрочем, на то, что сил он истратил немеренно, было видно по тому, как усердно Санчо набивал желудок нехитрыми деревенскими яствами. К окончанию завтрака счастьем его не было предела; но все его благодушие пропало в один миг – когда вопрос, что хозяин постоялого двора не решился задать грозному рыцарю, излился на голову его слуги: «А кто будет платить?!».

Сумма, что озвучил почтенный трактирщик, ошеломила оруженосца. Прежде всего потому, что у великолепной пары – странствующего рыцаря и его слуги – не было в карманах ни гроша. Рыцарь тем временем уже успел нацепить на себя часть гремящих доспехов и взгромоздиться на грустно вздохнувшего Россинанта. Уже в воротах Дон Кихот повернулся – всем телом, подобно раку, закованному в панцырь – и добродушно посоветовал хозяину. Он явно успел подсмотреть немало картинок из памяти гостей; вот одну из них, из далекого двадцать первого века он сейчас представил перед собственными глазами.

– Я тоже поражен подвигами слуги моего этой ночью. Вы же свое восхищение можете выразить посредством обычая, привнесенным в наши края из далекой заснеженной страны. Подбросьте достопочтенного Санчо несколько раз – тем выше, чем большее уважение он вызывает в ваших душах.

Сам же рыцарь тронул поводьями, посылая рысака вперед, к новым подвигам.

Хихикнувшая в душе Валентина, прекрасно понявшая, какую именно страну имел в виду средневековый рыцарь, перехватила управление одной тощей лошадиной силой, и развернула Россинанта, чтобы насладиться невиданной в этих краях картиной.

*Тебя не вижу я, и долго бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый
Смыкая тайный круг, в движенъи запоздалый.*

Запоздалым явно был бросок Санчо за своим господином. Поначалу рыцарь, а вместе с ним и шестерка красавиц слышала лишь дикие крики слуги; потом над высоким забором показалось ошеломленное лицо ночного героя, и все его тело, раскинувшее руки и ноги в стороны так, словно он хотел объять весь мир, повернувшийся к нему не самой светлой своей стороной.

– Раз, два, три..., – меланхолично считала Пенелопа, в то время, как подруги весело комментировали «приключение» Санчо Пансы.

– Ой! – прикрыла вдруг чужой рукой чужой же рот Валентина, – забыла сказать...

Поздно! Руководимые разгневанным хозяином работники подбросили несчастного слугу особенно мощно и высоко и... забыли поймать его. Земля содрогнулась – это Валентина ощутила даже за забором, через длинные тощие ноги Россинанта. А через десяток минут – когда благородное животное, которое Дон Кихот на полном серьезе ставил в один ряд с Буцефалом Александра Великого и Бабьейкой не менее храброго Сиды, безо всякой команды направилась к темнеющему на горизонте лесу – в воротах появился Санчо; охающий и хромающий сразу на обе ноги. Его осел послушно трусил следом. Под сень чахлого лесочка, который Валентина Степановна охарактеризовала коротким, но емким словом: «Рыцарский!», – неразлучная четверка путников вступила вместе.

Весь долгий день, с краткими перерывами, они брели, неспешно беседуя. Временами ход этого нехитрого обмена впечатлениями о последних событиях прерывали наши путешествницы, и тогда двое мужчин невольно краснели – это бойкие на язык (сейчас чужой, мужской) Дуньязада и Дездемона требовали подробностей сегодняшней ночи.

А в душе Дон Кихота росло какое-то смутное, явно не светлое предчувствие, которое про-
вралось вопросом уже в сгущавшейся темноте; когда путники принялись устраиваться у лес-
ного родничка. Водой из него они и поужинали, кстати.

*Вечерет день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая
Неотступная тайна моя.*

– Вот именно, тайна! – Дон Кихот, блаженно вытянувший длинные ноги на пригорке (словно именно они несли его весь этот длинный день), едва не вскочил, вспомнив о том, что мучило его с самого утра, – какую плату, благородные дамы, потребуете вы у меня – за вашу, безусловно, неоценимую услугу?

– Так мы ж об этом целый день твердили! – первой воскликнула несдержанная на язык Дездемона, – придется тебе, победитель ветряных мельниц и страшных мавров, свершить подвиг, который твой верный слуга и оруженосец репетировал всю ночь... иначе...

– Каких мавров?! – вырвалось одновременно у идальго и Валентины (последняя за дав-
ностью лет такого фрагмента в бессмертном творении Сервантеса не помнила).

– Ну..., – венецианка не успела сообразить, каким боком вплела в чужую биографию исто-
рию собственной жизни, – хотя бы вот этого!

На поляну, которую наши герои выбрали для ночлега, действительно выскочил мавр –
громадный негр; в его безумных глазах сверкали отблески костерочка, который развел и под-
держивал Санчо Панса.

– Где она?! – прорычало это темнокожее чудовище, вздымая оруженосца громадными
руками за отвороты рубахи так, что короткие ножки слуги заболтались в воздухе, – где эта
тварь?! Отвечай, презренный?!!

На поляне вдруг стало тесно; ее заполнили какие-то люди, по виду крестьяне. Двое из них
держали под руки девицу, красоту которой (впервые за эти дни) невольные путешественницы
во времени могли поставить вровень с собственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.